

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ:
САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА**
.....

Л. А. Фадеева*

Важную роль в процессе передачи политической культуры от поколения к поколению, равно как и в ее трансформации, должна играть и играет социальная категория, называемая интеллектуалами, интеллигенцией, «образованным классом». Исследователи политической культуры, уделяющие внимание восприятию политических систем как комплексов реальных и идеальных культурных образцов, отмечают возрастание ответственности интеллектуалов: и как интерпретаторов чужеземных культур, исследование которых сродни переводческой работе, и как людей, формирующих и формулирующих важные компоненты национальной политической культуры своей страны.

На протяжении значительной части истории интеллектуалы выступали в качестве властителей дум, предлагающих обществу разные варианты осмысления действительности и различные модели общественно-политического обустройства. Ничего удивительного, что эти задачи обусловили политическую гетерогенность интеллигенции в плане ее ценностей, идеалов, идей. Еще одно обстоятельство, существенно усложняющее исследовательскую задачу, — это множество дефиниций интеллигенции. В свое время (1920-е гг.) российский литературовед П.Н. Сакулин писал: «Мы все говорим об интеллигенции и никак не можем наговориться. По сути, это вопрос нашего самоопределения» (цит. по: [17, с. 29]). Это объясняет остроту полемики, равно как и стремление записать политических оппонентов в антиинтеллигентский список («отделить овец от козлищ», говорил П. Струве). Заметим, что схожая ситуация (длительность и оживленность дискуссий, разнообразие дефиниций, эмоциональность ценностных оценок и суждений) наблюдается и в отношении таких категорий, как «интеллектуалы», «профессиональный класс» [8; 19–23; 31]. Мы знакомы с

* Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой политических наук Пермского государственного университета. Электронная почта: lfadeeva@perm.ru.

этим не только по литературе, но и по многочисленным дискуссиям, посвященным анализу данных категорий и проходивших с равным накалом страстей в Москве, Петербурге, Перми, Екатеринбурге, Лондоне и Оксфорде. Признаемся также, что наша позиция нередко встречала активную критику со стороны дискутирующих, прежде всего тех, кто абсолютно убежден в оригинальности и неповторимости русских интеллигентов или английских интеллектуалов и в отсутствии между ними каких-либо схожих черт.

Можно предположить, что наших оппонентов ужаснул бы замысел данной статьи, который заключается в том, чтобы вычленив базовые элементы политической культуры интеллектуалов, интеллигенции. На наш взгляд, эта политическая культура формируется, развивается, трансформируется в контексте национальной истории, но в то же время обусловлена еще и спецификой интеллектуальной деятельности, степенью ее свободы, востребованностью обществом и т.п.

Понятия «интеллигенция», «интеллектуалы», «профессионалы» (англосаксонские *professionals*) появляются в словарях и разговорном языке в разных странах приблизительно в одно время — в последней трети XIX в. Языковые нововведения (Н.К. Михайловский считал слово «интеллигенция» непривычным и «неуклюжим на русское ухо») отразили формирование относительно массовой категории людей, которые профессионально занимались умственным трудом, как правило, не будучи наемными работниками и оставаясь людьми «свободных профессий» (*liberal professions*), и по образу жизни и системе ценностей отличались как от высших, так и от низших классов. Специфика ценностных ориентаций была связана с характером профессиональной деятельности, определением своей миссии в обществе, утверждением автономной позиции по отношению к государству.

В разных странах внутри данной категории была своя референтная группа: в англосаксонских странах — юристы и врачи, во Франции, как и в России, — литераторы. Однако повсеместно численное увеличение данной группы сопровождалось становлением таких профессиональных институтов, как профессиональная периодика, формирование профессиональных ассоциаций, выработка профессиональной этики.

По-разному складывались отношения с государством — от автономии британских профессиональных ассоциаций до перманентного фрондирования французских интеллектуалов и спорадической террористической деятельности радикальных российских интеллигентов. Кстати, в разных странах многие исследователи выделяют в качестве особой группы интеллектуалов на рубеже веков еврейскую интеллигенцию, которая была лишена возможности полноценной профессиональной деятельности в силу антисемитской политики и потому нередко выступала как радикальная интеллигенция, наиболее поли-

тизированной и настроенная на разрушение несправедливого общественного устройства [30].

Т. Вихавайнен считает, что антибуржуазность и всякого рода радикализм были симптомом всеобщей болезни интеллектуалов, только по политико-общественным причинам в России интеллигенция политизировалась рано и почти поголовно [3].

Вследствие специфики социально-политического развития России наиболее заметным в стране оказался тип интеллигента-идеолога. По выражению Д.Н. Овсяннико-Куликовского, русская интеллигенция «застряла» в идеологическом фазисе [14, с. 385].

Вопрос о ценностных ориентациях российской интеллигенции, особенно интеллигенции рубежа XIX–XX вв., поднимался во всех дискуссиях XX в.: «веховской» (1909–1910), советской (1925–1927), перестроечной и постперестроечной (вторая половина 1980-х — начало 1990-х гг.). Обращение к этому вопросу объясняется кризисом идентичности, поиском оснований самоидентификации интеллигенции, новых «социальных семафоров». Интеллигентский миф включает представление об интеллигенции как морально-этической категории, существовавшей только в России.

Известный специалист по проблеме интеллигенции Л. Гудков утверждает: «Ничего похожего на нашу интеллигенцию на Западе нет, если не считать маргиналов левого толка, но они как раз и не делают погоды» [4, с. 392]. Между тем еще в дискуссии середины XX в. британский историк Д. Роуч трактовал интеллигенцию как «особый класс образованных людей, который определял характер национального мнения по политическим, религиозным и культурным вопросам и который может быть назван национальной интеллигенцией» [28, р. 134].

Аналогичный подход к анализу интеллигенции предпринимал в России начала XX в. Д.Н. Овсяннико-Куликовский, который видел в интеллигенции мыслящую среду, где вырабатываются умственные блага — «духовные ценности» [14, с. 385]. В этом определении упор делается на группу, а не на отдельных индивидов. Именно группа являлась носителем системы ценностей и стремилась распространить их в обществе. Напомню в этой связи предложенное Г.Г. Дилигенским понимание механизма взаимодействия индивидуальной и социальной психологии: макросоциальные или идеологические ценности являются своего рода «социальным семафором», с помощью которого одни ценности поощряются и поддерживаются, а другие — запрещаются или воспринимаются нейтрально [6, с. 167]. В данном контексте интеллигенцию можно рассматривать, как социальный семафор, как особый идеал, который вполне сопоставим с идеалом «образованного класса» других стран.

«Вряд ли можно найти более органичное выражение активности интеллигенции, чем создание школ, — считает исследователь гражданского общества в период «великих реформ» в России XIX в. Э. Кимбелл. — Оно точно так же, как литературная, публицистическая, издательская деятельность, давало выход самым естественным профессиональным интересам пробуждающейся интеллигенции» [10, с. 267]. Интересы интеллигенции как особой социальной группы, ее взаимоотношения с другими слоями общества, ее роль в экономических и культурных процессах в значительной степени определялись ее профессиональной деятельностью. В связи с этим социальная история интеллигенции тесно связана со становлением профессиональных категорий и групп.

Традиционными для профессионального класса западных стран являются категории медиков и юристов. Эти профессиональные группы определяли принципы доступа к профессии, профессиональные стандарты, позиции своей категории как среди «образованного класса», так и в обществе в целом. В России возникновение данных профессиональных категорий связано с реформами 1860–1870-х гг. Институционализация интеллигенции как совокупности профессиональных групп сопровождалась становлением и ростом профессиональной периодики. Журналы «Образование», «Врач», «Земская медицина», «Право» ставили серьезные социальные и профессиональные проблемы.

Обзор российской прессы последней трети XIX – начала XX в. показывает, что интеллигенция не чуждалась обсуждения профессиональных вопросов, была в курсе аналогичных проблем западного «образованного класса». Подобно тому как в борьбе за свободу слова и конституцию она апеллировала к западному парламентаризму, в профессиональном плане интеллигенты брали за образец англосаксонские профессиональные ассоциации, добившиеся автономии, контроля за доступом в профессию и за уровнем профессионального образования и квалификации. Это проходило в то время, когда во всей России власти стремились «обуздать» так называемый третий элемент (так охарактеризовал один из губернаторов земских служащих — врачей, учителей, агрономов) и отстранить их от решения государственных вопросов, оставив это право прерогативой первых двух элементов — администрации и дворянства.

На разных этапах дискуссии об интеллигенции на первом плане оказывались разные ее группы, разные аспекты их жизнедеятельности. «Веховцы» сосредоточили внимание на радикальной интеллигенции, В. Ленин и Н. Бухарин критиковали и поносили либеральную интеллигенцию как в канун революции, так и в первые годы Советской власти. Р. Иванов-Разумник и Д. Овсянников-Куликовский писали преимущественно о художественной интеллигенции, А. Изгоев и П. Сакулин — о профессиональных группах внутри интеллигенции, прежде всего об учителях и врачах. Соответственно, объект и предмет анализа определяли и акцентирование внимания на системе иерархии ценностных ориентаций, присущих той или иной группе. Безусловно, не нужно сбрасы-

вать со счетов и проблему объективности исследователя, аналитика, критика. Пристрастия и предпочтения, наличие собственной системы ценностей в немалой степени определяют оценочные суждения. Вот почему анализ интеллигенции со времен Р. Иванова-Разумника и П. Струве тяготеет к попыткам «отделить овец от козлищ».

Представляется, что только тщательный анализ поможет исследователю определить, какие «социальные семафоры» в системе ценностей интеллигенции, образно говоря, стояли на магистральном пути ее развития, а какие — на запасных. Характеристика ценностных ориентаций российской интеллигенции рубежа XIX–XX вв. свидетельствует о сложном композиционном составе системы ценностей, набор которых у разных групп интеллигенции был схожим, а вот их удельный вес и приоритеты различались.

Часть европейских интеллектуалов с начала XX в. стала именовать себя интеллигенцией, взяв кальку с русского языка. Это в немалой степени было следствием влияния русской культуры на Западную Европу. «Русское искусство прокатилось по Европе с неотвратимостью эпидемии гриппа, — писал С. Моэм. — Вошла в моду новая манера говорить и чувствовать, бросались в глаза новые сочетания цветов; “высоколобые” говорили о себе (после минутного раздумья), что они — представители интеллигенции. Это русское слово было трудно написать, но легко произнести» [13, с. 167].

«Высоколобые», или «высокобровые» (high-brow), — это несколько ироничное обозначение английских интеллектуалов начала XX в., о которых Д. Мирский говорил, что они высоко поднимали брови, демонстрируя свое презрение к обывателю и филистеру [27]. Западные исследователи испытывают значительные трудности в поиске дефиниции интеллектуалов, которая бы устраивала всех. Э. Шилз определяет интеллигентов как гомогенный интеллектуальный класс, закрытый для центров политической и социальной власти [29]. Английский историк Т. Хейк считает, что интеллектуалами можно назвать особую группу людей, обладающих общим самосознанием и чувством превосходства, отчужденности и обособленности [26].

Немаловажное место отводится в анализе интеллектуалов и их общественной роли: их умению генерировать идеи, влиять на общественное мнение, способствовать распространению новых идеалов и ценностей. В суждениях относительно функций и статуса западных интеллектуалов, их места и роли в жизни общества существует такой же широкий разброс мнений, как и в отношении к интеллигенции в России.

Одни считают интеллектуалов цветом нации, другие характеризуют их как людей опасных, не полезных для общества, паразитов. К. Мангейм объяснял это так: «Люди, которые бы хотели верить в то, что все в нашей жизни может быть урегулировано в рамках привычного заведенного порядка, чувствуют раздражение, когда узнают о наличии в обществе групп людей, желающих

выйти за рамки этого порядка. Они не понимают, что маленькие кружки интеллигенции, несмотря на многие присущие им недостатки, являются, благодаря своей позиции аутсайдера в обществе, основным источником вдохновения и динамичного воображения» [12, с. 450–451]. Он применяет к этой части интеллигенции предложенное Альфредом Вебером выражение «свободно парящая в обществе интеллигенция».

На рубеже XIX–XX вв. интеллектуалы разных стран с тревогой отмечали, что в обществе распространяется дух Мамоны, алчности и погони за успехом; причем специфика духовной ситуации того времени заключалась в том, что наступление новых, «торгашеских» тенденций сопровождалось ослаблением аристократических идеалов, немало осмеянных самими интеллектуалами, но в свете их заката казавшихся невыразимо прекрасными.

В Британии, как, впрочем, и в США, референтной группой в образованном классе являлись отнюдь не интеллектуалы, не «высоколобые» (брит.), или «яйцеголовые» (амер.), а те, кого в обеих странах называют *professionals*.

Английский ученый Н. Аннан выдвинул теорию «интеллектуальной аристократии», к отличительным особенностям относились предпочтение стабильности, склонность к постепенным преобразованиям существующих институтов и одновременно ее нежелание смешивать, идентифицировать себя с аристократией или плутократией, умение найти свое место в обществе, убеждение в необходимости честных методов в политике, сильный моральный импульс [18].

Концепция интеллектуальной аристократии соединяет анализ интеллектуалов и профессионалов. Основу последних исторически составляли юристы, врачи, священники. К 1870-м гг. в их состав также входили инженеры, преподаватели, учителя и т.п. Каждая группа имела свои профессиональные ассоциации, периодические издания. Одним из первых идеологов профессионализма был юрист Г. Томпсон, который утверждал: «Важность профессии и профессионального класса вряд ли может быть переоценена. Именно профессии представляют собой авангард великого английского среднего класса, устанавливая характер его независимости, определяют моральные стандарты и направляют его ум» [33, р. 16].

Среди английских профессий элементы профессиональной идеологии появляются и начинают распространяться во второй половине XIX в. Ее составными компонентами стали специализация, состязательность и ориентация на профессиональную карьеру, профессионализм, компетентность, чувство долга перед клиентом, осознание значимости профессионального образования. В обосновании превосходства своих идеалов, образа жизни, характера деятельности значимую роль был призван сыграть идеал общественной службы и общественного доверия. Кроме того, идеал общественной службы и общественного доверия должен был возвысить профессионалов над другими классами.

Профессионалы обвиняли буржуазию в эгоизме и неумении заботиться об общественном благе, противопоставляя этим недостаткам достоинства интеллигентных профессий, чьи этические принципы, по их мнению, были, несомненно, выше. В их среде было распространено чувство «социального стыда» [34, р. 179]. Результатом стали «хождения в народ» в форме сеттльментского движения в Англии, США, Германии, когда представители образованного класса создавали центры культуры в рабочих кварталах, открытие школ для взрослых и рабочих университетов. Другой стороной деятельности стало движение за реформы в социальной сфере.

Идеологи профессионализма стремились противопоставить профессии и социальным классам, и партийным группам. Они доказывали, что профессиональная идеология имеет существенные преимущества по сравнению с партийными доктринами.

В целом, образованный класс проявлял склонность к социальной и политической стабильности, сохранению определенной иерархии и уважения к сложившемуся порядку вещей. Причем он не просто принимал придуманные кем-то или иницилируемые высшими классами правила и нормы, но активно способствовал утверждению в общественном сознании легитимности существующего порядка, а также моральных и этических ценностей.

В то же время образованный класс выполнял не только исследовательскую и просветительскую функции, опосредованно влияя на мир политики, но и осуществлял непосредственную связь с этим миром — в парламенте и партийных ассоциациях, на уровне личного общения и в ходе деятельности различных организаций. Для характеристики сплава аристократии, политиков и ученых некоторые исследователи используют выражение «административная интеллигенция» [24; 25].

Н. Аннан описывает парадокс интеллигенции, существующей скорее для того, чтобы подчиняться, нежели для того, чтобы восставать против остального общества. Интеллектуалы видели свое предназначение в том, чтобы «работать в существующих институтах, модифицировать их для удовлетворения социальных нужд только тогда, когда эти нужды доказаны» [18].

Во Франции с эпохи Просвещения творческая, художественная интеллигенция заняла место референтной группы для французского образованного класса, а французские интеллектуалы в немалой степени стали определять существенные тенденции в развитии политической культуры французов. С тех далеких времен французская интеллигенция тщательно оберегала свой особый статус стража демократии, блюстителя справедливости и свободы, высшего судьи в делах морали и права. Сложилась даже своеобразная «диктатура интеллектуалов», направлявших общественное мнение страны. После Второй мировой войны такого рода влиянием обладал Жан-Поль Сартр. Политические деятели не только не оспаривали, но по-своему поддерживали эту традицию. Для при-

дания большего веса и авторитета своей личности они и сами были не прочь обзавестись репутацией интеллектуала. «Диктатура интеллектуалов» выражается во Франции отнюдь не в одних политических стереотипах, вследствие которых «Франция мыслит по-левому», хотя нередко «голосует по-правому» [1, с. 25]. Уважение к интеллектуальной деятельности, убежденность в ее необходимости и функциональности для общества также входят в национальные традиции.

Применительно к французской интеллигенции, как и к интеллигенции русской, правомерен вопрос об ее ответственности за социальные и политические катаклизмы. Полярность французской политической культуры, дух разобщенности и бацилла нетерпимости во многом связаны с политической дифференциацией французских интеллектуалов. Каждая из субкультур имеет своих интеллектуальных кумиров: де Местр, де Бональд, Шарль Моррас по одну сторону баррикад, Вольтер, Руссо, Жорес, Сартр — по другую. Представители противоположных субкультур тяготеют к тому, чтобы отказать оппонентам в праве называться интеллектуалами.

Прошлый опыт всегда сказывается на содержательных характеристиках интеллектуального класса, который впитывает опыт прошлого своей страны. В то же время эти специфические характеристики влияют на становление стереотипов массового сознания и образцов поведения, т. е. на структуры политической культуры.

Тревоги современной интеллигенции связаны с антиинтеллектуализмом и массовизацией культуры. Сама интеллигенция стала со второй половины XX в. массовым феноменом. Она утратила многие черты элитарности, столкнулась с проблемами безработицы, профессиональные ассоциации вынуждены были включить в качестве целей борьбу за повышение заработной платы и за социальные программы. Возник вопрос о том, в какой степени можно говорить о сохранении социально-профессионального феномена интеллигенции или интеллигентных профессий.

В то же время исследователи новых социальных движений (экологического, женского и др.) зафиксировали, что их актив и костяк составили представители именно этих категорий. В их системе ценностей заметно преобладание постматериализма: в экономике — общественный интерес, безопасность, равенство, в политике — участие, отрицание иерархии, в общественной сфере — небольшие децентрализованные гибкие структуры, в отношении к природе — сбалансированность и гармония, в отношении к знаниям — понимание пределов науки, рациональности целей, интеграции фактов и ценностей, мысли и чувств [32]. По-прежнему актуальна проблема ответственности интеллектуалов. «Наука имеет свои законы, которым интеллектуал обязан подчиняться, но, не забывая об обществе, не становясь сознательно эзотеричным», — такова одна из любимых идей Р. Дарендорфа [5, с. 127].

В России эйфория периода перестройки сопровождалась представлением о новой роли интеллигенции в обществе, о том, что «интеллигенция — это не просто образованные люди, это не профессионалы, а революционеры, перестройщики» (Ю. Бородай) [9]. Вместе с тем в оценке интеллигенции и ее роли в российской истории общество разделилось на два полюса. Те, на чей взгляд интеллигенция озабочена общим благом и несет это благо, давали следующие определения интеллигенции: «Интеллигент — душа и ум мира» (А. Бузгалин), «особого рода партия образованных людей, объединенных общим умонастроением» (В. Межуев) [9]. Те, кто считал интеллигенцию виновной в революционных бедах России, склонны характеризовать ее как «общественно инфантильный нарцисс, замкнутый, самодостаточный “орден”» (М. Колеров), «явно мистифицированную группу не профессионалов, самозванных учителей жизни, неприкаянных строителей общественного благоденствия» (А. Быстрицкий), «образованные классы», которым присущи «идеализм, социальный утопизм, иррационализм в помыслах и действиях» (А. Кива) [11].

На наш взгляд, и той, и другой позиции присущи максимализм и миссионерский взгляд на интеллигенцию. Как известно, у интеллигенции в советскую эпоху посредством разнообразных методов поддерживался своеобразный комплекс неполноценности. Промежуточное положение интеллигенции (прослойка) объясняло ее второстепенный статус в советском обществе. Утрата интеллигенцией образовательного превосходства, социальной привлекательности, морального авторитета для других социальных групп, по мнению Б. Дубина, подтолкнули к поиску психологической компенсации, например, в «миссионерской легенде» интеллигенции [7, с. 42–43]. Представление об особой миссии интеллигенции в России включало радикализм «вечных» вопросов, сосредоточенность на идеализации прошлого в сочетании с отрицательным отношением к политическому действию и практической политике, демонстрацией идеологической ангажированности в противопоставлении себя власти [7, с. 41–42]. Во всяком случае, здесь читается стремление свести феномен интеллигенции к морально-этической категории, да еще и на основе собственных политических предпочтений.

Другая линия дискуссии: сохранилась ли, в принципе, интеллигенция в России или же она трансформировалась в «образованщину». Кстати, солженицынское выражение «образованщина» имеет свой прообраз в веховской «интеллигентщине». Все же значительная часть исследователей считает, что культурная традиция не была полностью прервана и определенная преемственность сохранилась.

С нашей точки зрения, некоторая диффамация профессиональных ценностей, происходившая в среде советской интеллигенции в 1950–1970-е гг., не стала все же ни тотальной, ни фатальной. Профессиональные принципы продолжали сохранять свое значение в силу специфики самой профессиональной

деятельности. Действовали формальные процедуры, поддерживавшие значимость этих принципов: регулярные аттестации, присвоение категорий, определенную роль играло и соцсоревнование. Мы солидарны с Б. Дубиним в том, что обращение к профессиональным ценностям и стандартам — оптимальный способ нормализации статуса интеллигенции и ее объективной самоидентификации в современной России [7].

В последние годы предпринимаются активные попытки институционализации профессиональных интересов, возрождения традиционных для интеллигентных профессий принципов и ценностей, пересмотра отношений между профессиями и государственной властью. Очевидно, что российская интеллигенция вступила в новый этап своей истории. Противоречивость этого этапа отражает общую противоречивость переходного периода, когда продвижение к демократии, установление формальных демократических институтов сочетается с доминированием патрон-клиентарных отношений, неформальных институтов, укоренившихся в российском обществе на протяжении длительного исторического развития.

Ю. Поляков вслед за К. Арсеньевым и П. Сакулиным утверждает, что интеллигенция «по самой своей сути многолика, многоцветна, многопартийна». «Ядро интеллигенции всегда составляли представители разных, порою противоположных политических направлений... Бывает преобладание тех или иных политических влияний, но единства — никогда» [16, с. 18]. Нам также чрезвычайно импонирует мысль автора о том, что «важно исследовать позицию отдельных групп, слоев, профессий и даже отдельных деятелей, определяя степень их влияния и взаимовлияния» [16, с. 19].

Современные социологи относят российскую интеллигенцию к среднему классу, но продолжают отличать ее внутри этого класса как особую социально-профессиональную группу, разделяющую специфическую систему ценностных ориентаций, где значимое место занимают ценности образования, личной профессиональной квалификации и уважения [2, с. 83].

Е. Басина провела сравнительный анализ двух групп среднего класса — менеджеров и интеллигенции — и пришла к выводу, что первая группа исповедует такой крайний индивидуализм, что он парализует не только способность ставить и обсуждать проблему общего блага (без чего невозможно участие в политике), но даже сам интерес к политической деятельности. Это ставит под сомнение политический потенциал и перспективы влияния менеджеров как социальной группы. Интеллигенция же по-прежнему сохраняет широкий интерес к социально-политическим проблемам, способность обсуждать сложные вопросы на понятном народу языке, «оставаясь при этом в круге близких основной массе населения символов и понятий» [2, с. 84].

Библиографический список

1. Айвазова С.Г. Французы и политическая власть // Франция глазами французских социологов. М.: Наука, 1990.
2. Андреев А.Л. Социальное ядро нации. Средние слои в современном российском обществе // Общественные науки и современность. 2003. № 3.
3. Вихавайнен Т. Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. СПб.: Коло, 2004.
4. Гудков Л. Интеллигенты и интеллектуалы // Знамя. 1992. № 3/4.
5. Дарендорф Р. После 1989. Размышления о революции в Европе. М.: Ad Marginem, 1998.
6. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994.
7. Дубин Б. Интеллигенция и профессионализация // Свободная мысль. 1995. № 10.
8. Иванов-Разумник Р.В. Об интеллигенции. СПб., 1910.
9. Интеллигенция и власть: Дискуссия в клубе «Свободное слово» // Полис. 1992. №3.
10. Кимбелл Э. Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху великих реформ. 1859–1863 // Великие реформы в России / Под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М.: МГУ, 1992.
11. Колеров М. Самоанализ интеллигенции как политическая философия. Наследство и наследники «Вех» // Новый мир. 1994. № 8.
12. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юристъ, 1994.
13. Моэм С. Рассказы об Эшендене // Иностранная литература. 1992. № 7.
14. Овсянко-Куликовский Д.Н. Психология русской интеллигенции // Вехи: Интеллигенция в России. М.: Молодая гвардия, 1991.
15. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991.
16. Поляков Ю. Зачинщица или жертва: Интеллигенция в эпоху смуты // Свободная мысль. 1996. № 2.
17. Судьбы русской интеллигенции. Материалы научной дискуссии. 1923–1925 гг. Новосибирск: Наука, 1991.
18. Annan N. The Intellectual Aristocracy // Studies in Social History / Ed. by J.H. Plumb. L.: Longmans, N.Y.: Green, 1955.
19. Burrage M. Introduction: the Professions in Sociology and History // Professions in Theory and History: Rethinking the Study of the Professions / Ed. by M. Burrage, R. Torstendahl. L.; Newbury Park: Sage, 1990.
20. Burrage M. Revolution and the Collective Action of the French, American and English Legal Professions // Law and Social Inquiry. 1988. Vol. 13. № 2.
21. Debray R. Teachers, Writers, Celebrities. L.: NLB, 1981.
22. Fyvell T. Intellectuals Today. N.Y.: Schocken Books, 1968.
23. Gella A. An Introduction to the Sociology of the Intelligentsia // The Intelligentsia and the Intellectuals: Theory, Method, and Case Study / Ed. by A. Gella. Beverly Hills: Sage, 1976.
24. Goldman L. Dons and Workers. Oxford: Clarendon; N.Y.: Oxford Univ. Press, 1995.

25. *Goldman L.* The Social Science Association, 1857–1886: a Contest for Mid-Victorian Liberalism // *English Historical Review*. 1986. Vol. 101. № 398.
26. *Heyck T.W.* The Transformation of Intellectual Life in Victorian England. N.Y.: St. Martin's Press, 1982.
27. *Mirsky D.* *Intelligentsia of Great Britain*. L.: V. Gollancz, 1935.
28. *Roach J.* University and the National Intelligentsia // *Victorian Studies*. 1959. December.
29. *Shils E.* *The intellectuals and the powers, and other essays*. Chicago: University of Chicago Press, 1972.
30. *Socialism and Intelligentsia: 1880–1914* / Ed. by C. Levy. L.: Routledge; N.Y.: Kegan Paul, 1987.
31. *The Mythmakers: Intellectuals and the Intelligentsia in Perspective* / Ed. by R. Mohan. N.Y.: Greenwood Press, 1987.
32. *The Social Movements Reader: Cases and Concepts* / Ed. by J. Goodwin and J.M. Jasper. N.Y.: Blackwell, 2001.
33. *Thomson H.* *The Choice of a Profession*. L.: Chapman and Hall, 1857.
34. *Webb B.* *My Apprenticeship*. N.Y.; L.: Longmans, Green and Co, 1926.